

Олег Николаевич Михайлов Державин

Романтизированное описание исторических происшествий и подлинных событий, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романович Державина

Краткая литературная энциклопедия.

Изд. «Советская энциклопедия», М., 1964, т. 2

ДЕРЖАВИН, Гаврила Романович (3(14). VII. 1743 г., д. Кармачи или д. Сокура Казанской губернии, — 8(20).VII.1816 г., с. Званка Новгородской губернии, похоронен в Петербурге) — русский поэт. Родился в небогатой дворянской семье, учился в Казанской гимназии (1759–1762). В личной судьбе Державина отразились характерные черты периода абсолютизма в царствование Екатерины II. Резкие взлёты и падения, сопровождавшие служебную карьеру Державина, осложнялись особенностями его натуры: энергией и пылкостью, независимостью и прямоотой, чувством собственного достоинства. С 1762 г. Державин служил солдатом в гвардейском Преображенском полку, участвовавшем в

дворцовом перевороте, приведшем Екатерину II на престол. Произведённый спустя 10 лет в офицеры, Державин вскоре участвовал в подавлении пугачёвского восстания. Обойдённый наградами, перешёл на гражданскую службу. Недолго служил в Сенате, где пришёл к убеждению, что «нельзя там ему ужиться, где не любят правды». После сочинения «Оды к Фелице» (1782), обращённой к императрице, был обласкан и награждён Екатериной II. Назначенный губернатором олонекским (с 1784) и тамбовским (1785–1788), Державин пытался бороться с «крючкотворством», отстаивать справедливость; много сделал для просвещения тамбовского края. Нежелание «ладить» с высшими вельможами заканчивалось смещением с должностей. В качестве кабинет-секретаря Екатерины II (1791–1793) Державин не сумел угодить императрице, был отставлен от службы при ней; назначенный сенатором, в резких формах выражал своё «правдолюбие» и нажил много врагов. В 1802–1803 гг. был министром юстиции. С 1803 г. находился в отставке.

Начал печататься в 1773 г. (в сб. «Старина и новизна»). В ранний период (до 1779) пытался следовать традициям как М. В. Ломоносова («Оды, переведённые и сочинённые при горе Читалагае 1774 г.» и др.), так и А. П. Сумарокова (интимная

лирика). Позднее в автобиографической записке 1805 г. Державин писал о себе: «Он в выражении и стиле старался подражать г. Ломоносову, но хотел парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару великолепия и пышности. А для того, с 1779 г. избрал он совсем другой путь». Во второй период творчества (1779–1791) Державин создал свой стиль, нашедший наиболее яркое выражение в стихотворениях «Ода на смерть князя Мещёрского» (1779), «Ода к Фелице» (1782, опубл. 1783), «Бог» (1784), «Осень во время осады Очакова» (1788, опубл. 1798), «Видение Мурзы» (1789, опубл. 1791), «Водопад» (1791–1794, опубл. 1798) и др. Первая «Ода к Фелице», утвердившая поэтич. славу Державина, вызвала восторженные отзывы многих современников и одновременно резкие нападки литературных консерваторов. В ней, как и в других одах Державина, блестяще отразились некоторые важные черты, характеризующие царствование Екатерины II: рост русской государственности, героика военных побед, национальный патриотизм и власть произвола, фаворитизм, развращённость вельмож, процветание лести и ханжества. Основной жанр этого периода — торжественная ода; наряду с прославлением монарха, полководцев, она включала изображение недостойных вельмож,

нравов придворного общества, а также интимно-лирические мотивы. Поэтическое новаторство Державина проявилось в разрушении чистоты классицистического жанра: он соединил элементы оды и сатиры в одном стихотворении. В оде появился образ и самого поэта — живой, с индивидуализированными переживаниями («Сегодня властвую собою: А завтра прихотям я раб»). Державин гневно осуждал общественные пороки, обличая даже высокопоставленных лиц («Властителям и судиям», 1780–1787, «Вельможа», 1774–1794, опубл. 1798 г.). Пушкин в «Послании цензору» так характеризовал его поэзию: «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры, их горделивые разоблачал кумиры» (Поли. собр. соч., т. 2. 1956, с. 124). В философской лирике Державина возникала и трагическая антитеза жизни и смерти («Где стол был яств, там гроб стоит» — в «Оде на смерть князя Мещёрского»), и острое восприятие величия и одновременно ничтожности человека («Я царь — я раб; я червь — я Бог» — в оде «Бог»), и ощущение неустойчивости человеческих судеб («Водопад»). Державин пытался разрешить эти противоречия, обращаясь к религии (ода «Бог» и др.), однако темы религиозного сомнения и «успокоенного неверия» проходят через все его творчество.

В третий период (90-е гг.) у Державина преобладает анакреонтическая лирика. В стихотворении «Философы пьяный и трезвый» (1789, опубл. 1792), «Храповицкому» (1793, опубл. 1808), «К лире» (1794, опубл. 1798), «Похвала сельской жизни» (1798, опубл. 1808) Державин декларирует отказ от торжественной оды и обращение к интимной лирике, тем самым полемизируя с принципами героической поэзии, провозглашёнными Ломоносовым. Эстетические воззрения Державина выражены им в трактате «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» (1811–1815). Прославление сельской жизни, интимных радостей, мудрой умеренности выражало вместе с тем порицание придворной жизни, праздной роскоши. С нач. XIX в. творчество Державина клонится к упадку, хотя и в эти годы он создаёт порой великолепные произведения («Снегирь», 1800, опубл. 1805, «Евгению. Жизнь званская», 1807, и др.). Державин стремился разрешить характерную для классицизма коллизию «долга» и «страсти» на основе компромисса, выражением которого был принцип «золотой середины». В основе гедонистической проповеди «мудрого» «наслажденья всем тем, природа что даёт» («Аристиппова баня», 1811, опубл. 1812) лежало стихийно-материалистическое восприятие мира. В последние годы жизни Державин обратился

и к драматургии. Начиная с 1804 г. он написал ряд трагедий и др. пьес («Добрыня», «Пожарский», «Ирод и Мариамна», «Евпраксия» и др.). С 80-х гг. XVIII в. Державин возглавлял литературный кружок, в который входили его друзья-писатели Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Хемницер, поддерживавшие поэта и одновременно влиявшие на него. Их объединяли идеи умеренного дворянского просветительства, а в литературных взглядах — освобождение от риторики классицизма, стремление к поэтической естественности и простоте. С 1811 г. Державин состоял в литературном об-ве «Беседа любителей русского слова». Здесь он своим авторитетом подкреплял литературных «староверов» и консерваторов, но в то же время благожелательно относился к В. А. Жуковскому и «заметил» юного Пушкина. Для художественного метода Державина характерны конкретность изображения, обилие подчёркнуто личных биографических мотивов» пластика образов и в то же время типичная для классицизма дидактика и аллегоризм. Поэтический словарь Державина богат определениями, передающими оттенки цвета, насыщен звукописью. Соединение в пределах одного произведения тематики оды и сатиры привело к сочетанию «высокого» и «низкого» «штиля». Державин внёс элементы живой разговорной речи в поэтический

язык. Его творчество подготовило почву для поэзии К. Н. Батюшкова, Пушкина, поэтов-декабристов.

Начало изданию и комментированию державинских текстов было положено самим Державиным, который выпустил свои сочинения в 5 чч., снабдив их иллюстрациями и объяснениями (1808–1816, СПб). Самое полное издание текстов Державина (в 9 тт.), включавшее кроме художественных произведений «Записки», «Рассуждение об оде», письма, деловые бумаги и т. п., а также биографию поэта и комментарии, было подготовлено Я. К. Гротом.

Глава первая КАРТЁЖ

Позволю я тебе и в карты поиграть,
Когда ты в те игры умеешь подбирать:
И видь игру без хитрости ты жертву,
Не принеси другим себя, играя, в жертву
А этого, мой сын, не позабудь:
Играя, честен ты в игре вовек не будь!
А. Сумароков. Наставление сыну

1

О, бедность, проклятая бедность!.. Когда ни семитки в кошельке и надеяться не на кого — ни боярина близкого, ни благодетеля какого нет. И вот

сидит он, запершись в светёлке, на хлебе и на воде, по несколько суток мараёт стихи, — при слабом свете полушечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щели затворенных ставен.

Перекладывает с немецкого вирши Фридриха Великого¹ и сочиняет шутки всякие, хоть и на душе кошки скребут...

Ах, маменька, маменька, ненаглядная Фёкла Андреевна! Ежели бы ведала ты, что понаделал-понатворил сынок твой, сержант лейб-гвардии Преображенского полка Гаврило, сын Романов Державин! И наследственное именьеце, и купленную у господ Таптыковых небольшую деревенишку душ в тридцать — всё как есть заложил, а деньги до трынки просадил в фараон! Да ещё неизвестно, не разжалуют ли его в Санкт-Питербурхе в армейские солдаты за то, что он в сей распутной жизни, будучи послан с командой в Москву, полгода уже просрочил...

¹ *Фридрих Великий.* — Здесь имеется в виду Фридрих II (1712–1786), прусский король из династии Гогенцоллернов, крупный полководец, дипломат. Помимо прочего, был неплохим музыкантом, даже сочинял музыку; занимался историей, философией, поэзией. Его стихи переводили многие поэты XVIII в.

Державин отбросил в отчаянии гусиное перо, отодвинул табурет. Заколебалось пламя огарка, тень заметалась по стенам убогой горницы.

Что делать — надоумь, господь вседержитель! Завели его троюродный братец Блулов с господином подпоручиком Максимовым сперва в маленькую, а потом и в большую карточную игру. Откуда помощи ждать, кто будет спасителем погибающего мотарыги?..

Внизу хлопнула дверь: небось Стеша, дочь в соседстве живущего приходского дьякона. Хаживает тайком от родителей к Максиму, простодушна, нежна. Хаживает-то к Максиму, да поглядывает на Державина. Видать, приглянулся ей рослый гвардеец.

Державин снова прислушался.

Шум отодвигаемых столов, перебранка негромкая. Ба! Не иначе как Максимов с Блуловым новичка какого завели в фаро играть и обакулить — деньги из мошны вытряхнуть. Хитрость небольшая. Один садится банк метать, другой сказывается его противником. Бели нужно, скажет «атанде»². Если товарищ-банкомёт забыл число промётанных

² Атанде — обрусевшее выражение от французского attendre (ожидать) означает: «Воздержитесь. Не делайте ставки!»

абцугов³, ловко напомнит ему об этом. А то ещё и колоду подменит: у Максимова их во множестве...

Или самому спуститься попытать счастья?

Он вспомнил, как с отчаяния ездил день и ночь по трактирам искать игры, как спознакомился с игроками, вернее, с прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками, как научился у них подборам карт, подделкам и всяким игроцким мошенничествам. Благодарение богу! Совесть или, лучше сказать, молитва матери никогда его до того не допускала, чтоб предался он в наглое воровство и коварное предательство кого-либо из приятелей, как другие делали. Нет, никуда он не пойдёт: играй, братец, да не отыгрывайся!..

Державин снова взялся за перо, неровные строки запрыгали по листу бумаги. Но тут же он перечеркнул написанное. Не то, не то. Обезжиленными выходили у него в перекладке стихи прусского короля.

Немецкий язык — единственный из иностранных, который спознал Державин в бедной своей юности. Он перенёсся мыслью в далёкие дни детства, вспомнил своего батюшку — премьер-майора Пензенского пехотного полка,

³ Сдача карт — от *der Abzug* (нем.) — отход, скидка.

пыльный Оренбург и свирепого учителя из каторжников пономаря Иосифа Роза, палкою наставлявшего несчастных своих цёглингов ⁴ тверждению вокаболов и списыванию оных. Вдруг стук в дверь, сильный и грубый, вывел его из забытья.

В горницу вкатился низенький офицер в расстёгнутом зелёном мундире и без парика — глазки маленькие, хитрые, губы вывернутые и нос лапоточком. Подпоручик Сергей Максимов собственной персоной.

— Братец, душа моя, Гаврило, всё пишешь? Великие мы с тобою дураки: у нас денег нет! — забормотал он. — Напиши, голубчик, стихи на Яковлева Димитрия, что внизу сидит. У того денег много. Какой умница он! А у кого денег нет — великий дурак! Ежели бы я имел их довольно, какой бы умница, достойный похвалы и добродетельный был человек! Всем и на тебя ссылаюсь, что я, право, ведь добрый человек, да карман мой — великий плут, мошенник и бездельник. Да и признаться, душенька, должен, что это правда. Чёрт знает, откуда зараза в людей вошла, что все уже нынче и в гошпиталях валяются, одержимые не болезнию, а только деньгами,

⁴ Der Zögling (нем.) — воспитанник.

деньгами, деньгами! Богатому, хотя и глупу, всяк даёт место... Пойдём же, братец: богатый олух припожаловал!

— Что зря меня юрить, — отмахнулся Державин. — Хватит. Было ремесло, да хмелем поросло...

— Не играй, не играй! — согласился тотчас же Максимов. — Посиди только, душа моя, с нами, да погляди, как богат пришёл в пир, а убог уйдёт в мир...

Молча надел Державин потёртый мундир с тремя сержантскими позументами на рукаве, молча спустился вслед за Максимовым в нижнюю горницу.

Знакомая но московскому житью картина. Пухнет и срывается банк. Щекастый Блудов в капитанском мундире наопашку, знай подгребаёт к себе кучки серебра от юноши, который то бледнеет на глазах, подобно мертвецу, восставшему из гроба, то алеет, уподобляясь необычайным румянцем своим ягоде клюкве.

Завидя Державина, Блудов вскочил, затряс щеками и кинулся чмокаться. Сержант насилу отсторонил его, а потом и не помнил, как оказался за картами.

...Карты занесли в Россию в XVI веке литовские купцы, а затем, в смутную пору

лихолетья ⁵, к ним приехавшие немцы, во множестве наезжавшие в Московское государство в качестве купцов и кондотьеров, из которых набирались наёмные войска на царской службе. После сожжения и разграбления Москвы в 1611 году поляки, бесчинствовавшие во время сидения в Кремле, проигрывали в карты детей, отнятых у русских купцов и именитых бояр.

Суровый Пётр сам не терпел карточной игры как явной праздности, и его приближённые собирались за картами тайно. Картёж особенно процветал в Немецкой слободе, сбродные обитатели которой вели весёлую и разгульную жизнь. Наиболее азартные игры — фараон (банк) и кинце (пятнадцать) получили особо широкое хождение, начиная с царствования Анны Иоанновны⁶.

⁵ ...в смутную пору лихолетья ... — Смутное время, Смута, Лихолетье — так называются в истории события конца XVI — начала XVII в. в России, когда окончилась династия Рюриков, — и до восшествия на престол первого царя из рода Романовых Михаила Фёдоровича. Термин этот был введён русскими писателями XVII в.

⁶ ...начиная с царствования Анны Иоанновны. — Анна Иоанновна (1693–1740) правила с 1730 г.

Играли все. Покойная государыня Елизавета Петровна⁷ со своими амантами и придворными. Екатерина II, будучи великою княгиней, — ночами, притворивши двери, с нелюбимыми фрейлинами и постылым мужем. Купцы, лакеи, гвардейские офицеры... Знаменитый московский вор Ванька Каин, служивший в полиции, ночами заманивал к себе в особливую «блинную избу» припозднившихся молодых дворян, обирая их за бильярдом, зернью и картами. Изобличённый в многочисленных преступлениях и посаженный в острог, он и там коротал скучные досуги в азартной и нечистой игре на деньги и вещи, так что пришлось сменить всю охранную команду.

Не играли только крестьяне, кормившие Россию.

Плутовство в картах почиталось в те поры за норму, изящно именуясь «неряшеством». Плутовал претендент на руку Елизаветы в бытность её принцессою принц Людвиг Гессен-Гомбургский,

⁷ *Покойная государыня Елизавета Петровна...* — Елизавета Петровна (1709–1761), императрица всероссийская с 25 ноября 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I. По выражению В. О. Ключевского, «умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня», соединившая «новые европейские веяния» с «благочестивой отечественной стариной».

подавая пример придворным. За князем Одоевским подметили, что он однажды тысячи полторы в шляпе перетаскал и в сенях отдавал своему слуге. Пойманный на подобной плутне у императора Петра Фёдоровича, сей Рюрикович потчеван был оплеухою и вытолкан вон пинками ног, что не помешало ему назавтра снова появиться за картами. По городам империи Российской развелось несчётно ремесленных игроков, среди коих наиболее славными почитались московские шулера, прозванные червонными валетами...

Обование игры захватило Державина. Он кричал: «Бины!» «Жлуди!» «Реет!», брал взятки, срывал банк, даже не думая о деньгах. Карты всё ещё чаровали его, кружили голову до боли в висках, когда попеременно то бил озноб восторга, то обдавало всего кипящим варом. Он очнулся от морока после тихого стука в окно.

Стук повторился. Державин прильнул к оконцу, в слюде отразилось его простое и доброе русское лицо: крупные черты, несколько толстые нос и губы. С трудом разглядел:

— Ба! Стеша...

Максимов просиял и выкатился из-за стола:

— Управляйтесь без меня, братцы, я скоро вернусь.

Щекастый Блудов снова взялся за карты:

— Давай, дружок, на вексель какой банчок раскинем.

Державину давно уже открыты были все хитрые шильничества, в зерновых сборищах употребляемые, и он начал урезонивать ненасытного облупалу: хватит-де того, что почти сотню серебром выиграл, пора пожалеть парня. Но сам Яковлев просьбою прашивал игроков не бросать игру, вытащил из тощего кошелья бумаги — вексель в триста рублей, да ещё купчую в пятьсот на пензенское имение отца. Чтобы пуще разжечь юношу, Блудов стал притворно соглашаться с Державиным. Тогда, страшась, что ему не дадут отыграться, Дмитрий принялся кричать криком:

— Господа, нечестно! Не бросайте карты!

— Да что ты орёшь, словно тебя колесуют! Никто не мешает тебе и векселя спустить! — скороговоркою бросил ему Державин, а Блудову только сказал, слегка пришепеливая от волнения: — Ну и сквернодей же ты, братец! Истинно обессрамился ты, и обессрамился вовсе!..

— Пстой, пстой, Гаврило! — ничуть не смутившись, отозвался Блудов, да ещё подмигнул ему, точно своему дружку-обайщику. — Не мы, чать, карты выдумали, не нам их и обносить. Налей-кось лучше мне чарочку хлебного вина, да послухай... — и, закинув толстое лицо, зачастил:

Бес проклятый дело нам затеял:
Мысль картёжну в сердца наши всеял, —
Ту распространяйте, руки простирайте,
С радостным плеском кричите: реет!
Дверь на трактирах Бахус отворяет,
Полны чаши пуншем наливает:
Тем даётся радость, льётся в уста сладость;
Дайте нам карты: здесь олухи есть!..

И появившийся в дверном проёме со Стешей,
словно лицедей на театре, согласно подхватил
стихи Максимов:

Постоянники все нас ругают:
Авантажа в картах вить не знают.
Портной и сапожник давно б был картёжник,
Бросил бы шилья и иглы в печь.
Ни стыда, ни совести в нас нету —
Олухам-то здешним в примету:
Карты подрезные, крепом намазные,
Делайте их разом и нечет и чет.

Щекастый и облый Блудов опрокинул рюмку
так, что она без бульканья пропала в его лужёной
глотке. Затем, размахивая пустой рюмкой, дочитал
вирши, в то время как несчастный Яковлев с
ужасом внимал ему:

Мы в камзолах, хотя без кафтанов,
Веселее посадских брюханов.
Игру б где проведать — сыщем мы обедать,
Лишь бы попался нам в руки фатюй.
Стройтесь стены в тюрьмах магистратских —
Вам готовят дворян и посадских!
Радуйся, подьячий, камень те горячий,
Ты гложешь их кости после нас!
Нам не страшны никакие бедства,
Мы лишаем отцовска наследства:
В тюрьмы запираем, как их обыграем.
Пусть они плачут — нам весело жить!..

— Вот, Гаврюша, какие вирши-то писать надобно, — наставительно сказал Блудов, хрупая промозглым огурцом.

— Ну, господа, за дело! — потирая короткопалые руки, воскликнул Максимов.

— Нет уж, с меня хватит. — Державин вышел из-за стола.

— Что ж, вольному воля, — согласился Максимов. — А ты, душа моя, — обратился он к Стеше, — полюбезничай уже с господином сержантом...

Девушка подняла глаза на Державина и залилась пунцовым румянцем. Картёж меж тем разгорелся с новою силой.

— Что ты стала редко ходить к нам, Стеша? — несмело спросил Державин, беря со стола распечатанную колоду и рассеянно перебирая в руках карты.

Она ответила не сразу. Нежно, но настойчиво принялась отбирать у него карты, а затем, найдя нужную, положила перед сержантом: туза с алым сердечком.

— Не люб мне этот пузан... — и быстро отвернулась. — Ты мне пригож!

Эх! Мечтал в своей бедности Гаврила о знатных боярынях, быстро сыплющих французскою речью, шуршащих шелками и сладко пахнущих ароматическими притирками и заморской водой. А в жизни всё попадались ему такие вот, как эта дьяконова дочка, доверчивые простухи. Но подняла Стеша на Державина серые свои глаза, и он невольно залюбовался ею: оклад у личика мягкий, носик вздёрнутый, губки пухлые, стан прямой. До чего же пригожа!

Гаврила отобрал в колоде бубнового короля и даму, а когда Стеша взяла эти две карты, задержал её маленькую горячую ручку в своей:

Я страстию к тебе пылаю,
Твои оковы я ношу,
Тебя люблю и обожаю
И сердце в жертву приношу...

— Это кто ж сочинил столь складно? —
удивилась Стеша.

— Неужто понравилось? Мои вирши...

— А не вракаешь ты, Гаврюша? Не верю я
чегой-то.

Он ответил стихами:

А ты, владея сердцем страстным,
Не хочешь сжалиться с несчастным
И вздохи томны прекратить;
Моей смягченна быть тоскою;
Не хочешь дать ты мне покою,
И жар любовью заплатить...

Яковлев уже расстался с векселем и теперь поставил на кон купчую, когда слышались явно дальние крики и брань.

— Никак стряслось что! — громко сказал Державин, отвлекаясь от маленьких знаков нежности.

Однако увлечённые игрой Максимов с Блудовым отмахнулись: мол, почудилось, а Яковлев так даже и ухом не повёл — не до того.

— Я пойду, пожалуй, — встала, поправив ситцевый расстегайчик, Стеша и тише: — Гаврило, дружок, проводи меня...

Державин с готовностью поднялся, хотел было первым выйти из горницы и едва не расшиб лба о низкую ободверину. Дверь распахнулась, и на пороге предстал дворовый Блудова — рожа расквашена, рубаха из посконины изодрана в лоскуты:

— Беда, батюшка барин!

— Да что там такое за передрыга? В чём дело? — враз подскочили Блудов с Максимовым.

— Вышла у нас драка с бутошниками...

— Откуда же они взялись? — побледнел Максимов, поглядывая на Стешу с Державиным.

— Увидели мы, батюшка, что бутошники заугольно кого-то поджидают... — обстоятельно начал дворовый, утирая юшку. — Спросили их. Они отвечали грубо, и вышла брань. А как со двора на подмогу сбежалось обедов твоих, осударь, боле, нежели подзорщиков было, то мы их и поколотили...

— Ой, мамочка родная! — всплеснула руками Стеша. — Не мои ли то родители бутошников подговорили? Крут мой батюшка... И подозревал меня сегодня быть у вас в гостях. Надо мне итить...

— Вот и хорошо, душа моя, — быстро согласился Максимов. — А Гаврила тебя проводит. Не подыматься же мне от карт.

Вся Поварская улица во мрак погружена — хоть глаз коли. Стеша жмётся к рослому сержанту,

тот ласково успокаивает её. Вон и церковь святых Бориса и Глеба. Пошли вдоль ограды, заросшей густою, в рост человека крапивою.

— Кто там, Гаврило! — только крикнула девушка.

Из крапивы высыпало с десятков молодцов, миглом подхватили Стешу, а Державина так саданули по зубам свинчаткой, что он, уже поверженный, мог только слушать удаляющийся низкий рык дьякона:

— Небось под плетью всё расскажешь!.. До всего дознаемся!..

Державин поднялся, почесал обстрекавшиеся ноги, сплюнул кровь и побрёл восвояси...

Блюдов с Максимовым делили за столом выигрыш, меж тем как вконец обессиленный, упившийся вином Яковлев спал на лавке.

Вышло чудно. Не Державин утешал Максимова, а Максимов его:

— Эх, душа моя! Женский быт, всегда он бит. Не тужи понапрасну. Как старики-то говорят — ждала сова галку, да выждала палку. Найдём себе другую грацию. А ты, душа моя, не гнушайся, выпей-ка за карточную нашу викторию да махнём в кабак, на Балчуг!

Державин не токмо вина, но и пива и мёду не пил, так пригубливал. Но тут сам потянулся к рюмке. Вместе с добрым глотком он почувствовал

необычайную лёгкость в теле и какой-то тонкий звон, словно весь сделался стеклянным. Он уже не слушался рассудка, не помнил ни о своих, ни о Стешиных бедах и с радостью снова наполнил рюмку хлебным вином. Хмель сильнее отурило его, и, напрягшись всем своим сильным молодым телом, Державин выскочил на середину горницы:

— В кабаки, братцы! Его ведь ни днём ни ночью не затворяют! Вы же у меня истинно художники, ибо худо или зло творите! Да зато с вами, право, не соскучишься!

— Вот это, братец, по-нашему! — подкатился к Державину толстомордый Блудов. — Едем! А как раб божий Митька Яковлев проспится, вытолкать его взащей!

2

Сколь дивна пресветлая и преславная Москва, древняя столица России! И хоть правит империей Питербурх, её холодный и беспощадный разум, живым, горячим и пульсирующим сердцем страны остаётся Москва. Со всех концов естественным током стекается в неё новый люд, словно приливает свежая кровь. Из далёкой южной Украины, от самой Астрахани шёл сюда пешком, без гроша в кармане

дьячков сын Василий Тредиаковский⁸. А с Крайнего Севера, из Архангельска, за обозом с мороженой рыбой прошагал до Москвы черносотный мужик Михайло Ломоносов. Всё здесь русскому любо: древние храмы, выдавшие Дмитрия Донского, да Ивана Калиту, да Ивана Грозного, да нижегородского мещанина Кузьму Минина-Сухорукого, и новые, на французский и италийский манер дворцы в ожерелках пышных садов. И милое московское «аканье», воспетое Ломоносовым: «Великая Москва в языке толь нежна, что А произносить за О велит она...». Вольготно и просто — не то, что щепетный Питербурх — раскинулась и первопрестольная на семи своих холмах.

⁸ *Тредиаковский Василий Кириллович* (1703–1768) — русский писатель, поэт. Родился в Астрахани. Оставив церковную службу, бежал в Москву, где учился в Славяно-греко-латинской академии (1723–1726), потом отправился в Голландию, потом — в Париж, где учился в Сорбонне (1727–1730). В 1730 г. вернулся в Россию. В 1735 г. предложил реформу стихосложения — силлабо-тоническую систему, основанную на регулярном чередовании ударных и неударных слогов. Его система стиха строилась на национальной основе и во многом определила дальнейшее развитие всей русской поэзии.

И под стать ей жители — весельчаки и чудесники.

Взять хотя бы знаменитого заводчика Прокофия Акинфиевича Демидова. Никогда не забудет Державин виденного им небывалого чуда: в одно погожее июльское утро на трёхвёрстной аллее, соединявшей подмосковное имение сего богатея с почтовым трактом, словно снега белые легли. А это Демидов вздумал прокатиться средь лета красного в санях; велел для того скупить на Москве всю соль, да и покрыть ею дорогу. То-то было радости бедному люду, сбежавшему с бадейками и полотняными кисами. Дорогая соль по его проезде делалась их бесплатным достоянием.

Но хоть Москва, сей Вавилон новый, и тянет его неодолимо к себе, подобно горе магнитной, сам Державин всё ж любит больше поглазеть на чужое веселие, чем участвовать в оном. Особливо если соединяется оно с забиячеством и непростительными шалостями.

Карета, запряжённая четвертнёй, пронеслась Арбатскими воротами и, подпрыгивая на бревенчатой мостовой, повернула в сторону Тверской улицы.

Державину вспомнилось, как определён он был в ямские подставы надзирать исправность наряженных лошадей для шествия в Москву

императрицы и всего её двора. Начальником же его назначили подпоручика Лутовинова, который, как и его брат, капитан-поручик, оказался умным и очень расторопным в своей должности, но весьма и весьма развращённых нравов.

Сии офицеры гвардейские постоянно упражнялись в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками в известном по распутству селе Валдаях. Там проводили они иногда целые ночи в кабаке, наезжая с пряниками-жмычками, цареградскими стрючками, калёными орехами, маковой избоиной и другими вкусными заедками и никого посторонних, кроме девок, не впуская. И хотя целую зиму с ноября по последние числа марта в таком распутстве провели, однако самого Державина со всеми принуждениями до того довести не могли, чтоб он их жизнь делил. Только в карты мало-помалу играть начал. Хотя бы в памфил⁹, но нет — в самые разорительное фаро и кинце...

И если время позволяло, продолжал своё кропанье стихов. Тихонько от товарищей читывал книги, глотал всё подряд — Клейста, Гагедорна, Гелларта, Гадлера, Клопштока, а из отечественных

⁹ Назвав так от червонного валета Памфила, или Фили, то есть простофили, дурачка.

— «Способ к сложению российских стихов» господина Третьяковского, лёгкие вирши Сумарокова ¹⁰ и, конечно, оды великого Ломоносова.

В обществе Гаврила стеснялся себя — говорил некрасно, и всё срыву, часто пришепеливал. Но сейчас хмель непривычно туманил голову, и, откинувшись на сиденье, Державин в пылком своём воображении представил, как произносит речь о Ломоносове в рассуждении его великолепия и громкого слова, всегдашнего сладкогласия и вкуса.

«Ломоносов! с кем сравнить, кому уподобить его безмерный и могучий талант? Воистину лишь с деяниями общего нашего отца Петра Великого. Что Пётр Первый совершил в отношении государства Российского, то сделал Ломоносов для нашей литературы. Он взошёл на российский Парнас не тяжело ползущим парением, но дорогой прямой и открытой. Пламенные творения его полны мыслей,

¹⁰ Сумароков Александр Петрович (1717–1777) — русский поэт и драматург, один из видных представителей классицизма. Начиная писать, подражая В. К. Третьяковскому; находился также под влиянием од М. В. Ломоносова. Но вскоре избрал иной жанр, принёсший ему популярность, — любовные песни, расходившиеся в списках. От песен перешёл к стихотворным трагедиям.

накопление которых, подобно стеснившейся при запруде воде, вдруг прорывается и с шумом начинает своё стремление. Дрожи от восторга, понятливый читатель, внимай высокому беспорядку в ломоносовских стихах. Сей беспорядок происходит оттого, что восторженный разум поэта не поспевает стройно расположить быстротекущую мысль. Взгляни же, сколько тут ума и красот! Какое многообразие величественных, ужасных и приятных картин, звуков, чувств и изветий!

О, ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек!
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь,
сквозь град блистая
И гласом грома прорывая,
Словами небо колебал,
И так его на распрю звал:
Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звёзд
Моей возжѣнных вдруг рукою
В обширности безмерных мест
Моё величество вещали!..

Словно и впрямь само небо заговорило! В слоге своих од и гимнов — твёрдом и благородном

— слов площадных или простонародных он никогда себе не дозволяет и средь вышнего полёта, словно задумавшись, вдруг обращается к чему-то занимательному, чтобы придать стихам ещё более блеска, жизни и величия. Как научиться следовать за ним, как разгадать тайну его смелого пера?..»

Державин не сдержал улыбки: смеху достойно тщание Сумарокова уничтожить ныне сатирую первого российского пиита!

Сам Державин не сразу постиг мощь и глубину ломоносовских стихов. Всего же более нравился ему по лёгкости слога князь Фёдор Алексеевич Козловский¹¹, приятный стихотворец и автор комедии «Одолжавший любовник». Упражняясь по примеру его, научился он цезуре

¹¹ *Козловский Фёдор Алексеевич* (1740-е гг. — 1770) — князь, поэт, писатель. Служил в Преображенском полку, откуда был командирован в Комиссию об Уложении (см. коммент. № 18). В 1769 г. был направлен курьером к графу А. Г. Орлову в Италию. По пути — по поручению Екатерины II должен был заехать к Вольтеру (что, вероятно, и сделал), которого сам был горячим поклонником. Хорошо образованный человек, он дружил с Фонвизиным, Херасковым, Новиковым. Для Державина произведения Козловского служили образцом в его первоначальных опытах. Ф. А. Козловский погиб в Чесменском бою при взрыве корабля «Святой Евстафий». Смерть его вызвала всеобщее сожаление.

или разделению александрийского ямбического стиха на две половины. С Козловским и спознакомился Державин в Москве, да только как!

Сержант наклонился к опускающему окну кареты: не дом ли Василья Ивановича Майкова¹² на Тверской проезжаем? Подлинно, он.

По долгу своему хаживал Державин частенько с приказами вечером или даже ночью с Никитской, где рота стояла, на Тверскую, Арбат, Ордынку, что за Москвою-рекою, а раз так чуть не потонул в снегу на Пресне и едва отбился тесаком от бродячих собак. Так вот, велено было ему доставить приказ князю Козловскому, состоявшему в третьей роте прапорщиком и остановившемуся на Тверской, в доме славного стихотворца Майкова,

¹² *Майков Василий Иванович* (1728–1778) — русский поэт. С 1747 г. был на военной службе. В 1761 г. вышел в отставку, примкнул к группе литераторов, объединившихся в Москве вокруг М. М. Хераскова (см. коммент. № 28). Литературную известность ему принесла комическая поэма «Игрок Ломбера» (1763), в которой высмеивалось увлечение азартными карточными играми, охватившее дворянское общество с начала 60-х гг. XVIII в. Вместе с Н. И. Новиковым (см. коммент. № 21) выступал против официальной литературы, поддерживаемой Екатериной II. Сторонник эстетической программы А. П. Сумарокова (см. выше). В начале 70-х годов стал масоном, что отразилось в переложении им псалмов, духовных од и др.

написавшего ирои-комическую поэму «Игрок ломбера».

Помнится, вошед в залу, чтобы передать князю приказ, увидел он сборище гостей, которым Козловский читал сочинённую им трагедию. Приходом вестового чтение прервалось. Державин вручил приказ и остановился у дверей, желая послушать трагедию. На что из этого произошло? Приметя, что он не идёт вон, Козловский сказал: «Поди-ка, братец служивый с богом, что тебе попусту зевать, ведь ты ничего в этом не смыслишь». И молодой стихотворец принуждён был выйти.

Да и кому ведомо, что он стихотворец? Жёнкам солдатским, которым Державин писал грамотки к родственникам их? Товарищам по полку — Неклюдовым, из коих один был унтер-офицер, а другой сержант, расхвалившим его стансы солдатской дочери Наташе? Некоторым офицерам-преображенцам, случайно прочитавшим его сатирические и непристойные стихи про одного капрала, жену которого любил полковой секретарь?

Солёные его двустушия или билеты насчёт каждого гвардейского полка повторяет каждый солдат, но площадные сии побаски разошлись безымянно. А шестистопные ямбы Державина об императрице Екатерине II так никому и не известны...

— Ты что, Гаврюша, никак заснул? — тронул его Блудов. — Приехали, чать, братец... — и первым выкатился из кареты.

Середь Москвы, во тьму погруженной, бессонно горят окна питейного дома на Балчуге, о коем в те поры шла в народе громкая молва. Сюда наезжали из Питербурха знаменитые Орловы, весельчаки, красавцы, богатыри, как на подбор, бывшие в большой силе при дворе и вызывавшие к себе всеобщую любовь своей добротой, удалью и мягкосердечием. Здесь Григорий Орлов с братьями — Иваном, Алексеем, Фёдором и Владимиром — любил слушать простые русские песни, до которых был превеликий охотник, или вызывал доброхотов из народа подражаться с ним на кулачках.

Хозяин — редкая борода опомелком, глаза воровские, цыгановатые — провёл гостей грязными горницами, где шумно гуляла случайная сволочь, на второй этаж в особливую и обширную залу. Она была пуста — лишь в дальнем конце у окна неизвестная Державину компания упражнялась за бильярдом.

— Что прикажут господа благородные? — блеснув медным одинцом в ухе, спросил хозяин. — Зернь? Карты? Или бильярд желают? Так вон тем честным людям как раз недостаёт одного...

— Или впрямь пойти спознакомиться с ними да партийку разыграть? — предложил благодушный и уже слегка хмельной Блудов.

— Обожди, душа моя, — остановил его Максимов, — разговор есть, и серьёзный. А господ тех честных — валетов червонных я знаю, и знаю довольно... Давай ужо, — оборотился он к хозяину, — нам выпить и закусить чего...

Тот молча поклонился, вышел и воротился мигом, расставив на столе: четвероугольную бутылъ зелёного стекла с коротким горлом, посудыны — одну с горячими коровьими рубцами, другую с крошеным и рассольным лосым осердьем, затем принёс квашенины, солений грибных, стаканцы да оржаную ковригу.

— Хорошо гуляем, братцы! — воскликнул Блудов, ототкнув бутылъ и разливая вино по стаканцам. — Ей-богу, почаще бы так собираться да рассуждать! Истинно, Гаврило, люблю я сладкую и весёлую жизнь. Не то что братец мой двоюродный Максимов. Он только о кармане своём мошенничьем думает — чем бы его ещё набить. Я же, что ни выиграю, тотчас спущу, лишь бы поесть и попить сладко и особливо люблю это вино хлебное. — С этими словами Блудов опрокинул стаканец. — А вы что не пьёте? Ну-ко, Гаврило, прочти тот билет, который ты давеча сочинил насчёт меня и так искусно!

Державин усмехнулся — как же позабыл он ещё об одном благодарном читателе! — и охотно откликнулся на просьбицу:

Одна рука в мёду, а в патоке другая;
Счастлива будет жизнь в весь век тебе такая...

— Нет, ты никак не ниже того пиита, который наш картёж воспел! Выпьем теперь за то, что ты мне написал!..

— Невелика мудрость кошелёк растрясти, — сказал Максимов, на этот раз не прикоснувшийся к вину. — Что пьяный! Сказывает: решето денег имеет, а проспится, ан и пустого решета купить не на что. Ты меня послухай, коли всамделе хочешь, чтобы жизнь твоя в мёду да в патоке текла.

— В чём дело-то?

— Ведом тебе, душа моя, — понизив голос и наклонившись над столом, заговорил Максимов, — сосед мой по имению села Малыковки экономический крестьянин Иван Серебряков?

— Тот, что в сыскном приказе содержится и ономедни под присмотром отпросился к тебе в гости? — вставил Державин.

Максимов посмотрел на него как на лишнего.

— Он самый... Попал в колодники за лихоимство. Сам предложил прожект о населении пустопорожных мест по реке Ирғиз выходящими из

Польши раскольниками, да во зло его и употребил. Но суть не в том...

— Да не томи, дружок, скажи прямо! — заёрзал на лавке Блудов.

— Вместе с ним содержится, — продолжая тайничать, медленно рассказывал Максимов, даже слегка надувшись от важности, — некий человек, указавший Серебрякову клад богатый...

— Не оплетало ли какой? — усумнился Блудов, даже переставший от волнения жевать солёное лосье лёгкое.

— Человек этот — атаман запорожских казаков Черняй...

— Ну? Который с известным Железняком разорил турецкую слободу Балту?

— Вот-вот! Железняка сослали в Сибирь, а Черняй занемог или сказался больным и до выздоровления посажен в тот же сыскной приказ... Между разговорами открылся Черняй Серебрякову о награбленном его артелью богатстве: потайные ямы наполнили серебряною посудой, а в пушках схоронили червонцы и жемчуг...

Максимов наклонился к Блудову и перешёл на шёпот. До Державина доносилось только: «Без сообщников сильнейших нельзя...», «Высвободим через господ сенатских...», «Выпросим под своё поручительство...» Впрочем, он слушал Максимова вполуха и не потому, что тот не приглашал его

никак участвовать в их умысле. Никогда в химерические сии прожекты обогащения Державин не верил.

Мало-помалу привлекли его препирания за бильярдом.

Оставив шепчущихся, Державин подошёл к игрокам и стал следить за партией. Появившийся здесь богатырской стати поручик вскорости начал браниться, а затем с досады чуть не переломил кий. Вся его игра попусту шла, тогда как у ловких партнёров каждый шар ложился точно в лузу. Приметя сие, Державин не мог удержаться и тихонько сказал поручику с улыбкой в голосе:

— Задача трудная, ваше благородие. Право, каким же мастером искусным надобно быть, чтобы на поддельные шары да и выиграть! — и пошёл назад.

— Спасибо, братец! — только пролепетал ему вслед офицер.

Видно, Блудов, у которого на сокровища запорожцев разгорелись зубы, изрядно успел налакаться. В ответ на все увещевания Максимова, он нёс одну околесицу.

— Что, договорились, сроднички? — садясь за стол, с насмешкою спросил Державин.

— Как же, чёрта лысого договоришься с ним! — мрачно ответил Максимов. — Его пьяного переговорить что свинью перепердеть!..

Брань и крики донеслись с другого конца залы. Игроки подступили к поручику, требуя закончить партию. Но офицер оказался не из робких.

— С мошенниками не играю! А ну подходи, смажу! — добродушным, не соответствующим моменту басом рокотал он.

Прибежал хозяин и развёл спорщиков.

Державин же с Максимовым подхватили Блудова под микитки, запихнули в карету и повезли на Поварскую.

Только подъезжая к знакомой церкви Бориса и Глеба, вспомнил сержант про Стешу: чем-то для бедняжки всё кончилось? Покосился на Максимова — тот оттопырил губы и сопел, видно всё обдумывая, как лучше завладеть кладом Черняя.

Карета уже повернула к дому Блудова, когда вдруг ударили в темноте трещотки и чьи-то сильные руки подхватили лошадей под уздцы.

— Дворянский сын Гаврило Державин! — просунулось в карету усатое рыло в треуголке.

— Что надобно? — встрепенулся сержант.

— Велено тебя взять под стражу и доставить немедленно в полицейскую часть!

Седьмые сутки сидит лейб-гвардии сержант в карауле вместе с татями да беглыми людьми, никакой, однако, вины за собою не зная.

Как вошёл в камору — ошибло его смрадом. Лёг он в уголку, прикрылся мундиром и всё размышлял. Объедья да помои, что давали, не ел, брезговал.

Когда на другой день после ареста привели его в судейскую, Державин с обычной для него горячностью сам подступился с вопросами: «За что ж вы меня, безвинного человека, схватили? К чему прицепились?» Но выдавшие виды судейские крючки ухом не повели — сидели как болваны деревянные. А потом зачали спрашивать и домогаться, чтобы он признался в зазорном обхождении с дьяконовой дочкою и во искупление греха на ней женился. «Да вы что? Никак решили вовсе оболтать меня?» — дивясь безумству и наглости альгвазилов, одно и мог молвить изумлённый Державин. «Никто на тя наговаривать не собирается, а отпирки твои не помогут. Звана ужо и твоя обличительница, — невозмутимо отвечивший председательствующий. — Обвопилась под плетями, да потом и во всём и призналась». И верно, появилась вскорости Стеша, вся в пересадинах, и, не подымая отёклого от

побоев и слёз лица, всё твердила, что сержант её очреватил. «Ах, Стеша, Стеша! Что же ты грех такой на себя берёшь! Где же правда на земле?» — сокрушённо сказал Державин и более ни на какие домогательства не поддавался.

А как свидетелей-очевидцев не оказалось, пришлось отправить его обратно в караул.

Знать, крючки судейские спокон веку жестокосерды были. Спомнилось ему, как, оставшись после смерти отца сиротою на двенадцатом году, терпел он с матерью и младшим братом всякие притеснения и лишения от соседей, отнявших у них лучшие земли, понастроивших там мельниц и потопивших их луга. А как входили они с ними в тяжбу, то в приказах сильная рука всегда перемогала. Да бедному везде бедно! Чтоб хоть какое-нибудь отыскать правосудие, должна была мать с малыми своими сыновьями по нескольку часов простаивать в передних у судей. Но те, выходя, не хотели её даже порядочно выслушать, а с холодной безжалостностию проходили мимо. Нет, никогда не изгладятся в его памяти слёзы и страдания матери от сего кривосудия!..

Так всё-таки где правда, где вышний суд и воздаяние? До какой подлости и худобы доведён самый род его! А ведь Державины не самые худые дворяне на Руси! Предок его — мурза Багрим выехал служить из Большой Орды при державе

великого князя Василья Васильевича¹³, который самолично и окрестил его в православную христианскую веру. Вотчин у него было не счесть — во Владимире, в Суздали, в Переяславле, в Юрьеве Польском, в Новгороде, в Нижнем... От Багрима, окрещённого Ильёй, пошли дети — Дмитрий Нарбек, Акинф, Юрья, Тегль, а от Дмитрия Ильина сына Нарбекова — Назарий, Алексей, Держава. Этот последний и был родоначальником их фамилии.

Что ж с того богатства осталось?

Дед Державина, Девята Иванов, пока силы были, служил верой и правдой России и Петру Великому, ходил в Крымские походы¹⁴: в первом с боярином Долгоруковым, во втором — с Шереметьевым, был и против башкирцев, и против донских казаков, нёс исправно службу в Казани, о чём «безо всякого закрытия и фальши» сообщал

¹³ ...при державе великого князя Василя Васильевича... — Василий II Тёмный (1415–1462), сын Василя I, великий князь Московский с 1425 г. В 1446 г. был взят татарами в плен и ослеплён.

¹⁴ ...ходил в Крымские походы... — Крымские походы русских войск против Крымского ханства происходили в 1687 и 1689 гг. Окончились неудачей.

императору Петру Алексеевичу в 722-м году. Четверо его сыновей, а среди них и отец Гаврилы, состояли в российской армии: Иван в Преображенском полку в солдатах с 713-го году, да Иван меньшей в морском флоте с 715-го году мичманом, да Роман, коей определён в полк в солдаты с 722-го году, а потом пришёл черёд и четвёртого — Василия.

Но жаловался государю Девята Державин: «А когда я стал стар и дряхл и глазами худо вижу и скорбен главною и внутреннею болезнью, то впал в бедность. Оклада на мне денежного не положено. Сын Потап 8 лет в доме увечен, глух и дряхл. Жительство имею в Казанском уезде в деревне Кармачах».

Истинно, молвить стыдно — имел в ней Девята Иванович только свой двор, да крестьян три двора, а людей семь душ: в том числе два недоросля, да бобыльский один двор, и у помещика жили за скудостью сын крестьянский да два недоросля... Нет, до бога высоко, до царя далеко!..

Сбродный люд в каморе меж тем болтал разное: беглые всё больше сетовали на тяжкие подати, на лютующих помещиков и старост, на нестерпимую голодуху.

— С весны починаем в мучицу пелы да солому подмешивать, а иные едят лист липовый и кору берёзовую толчёную, отчего происходят

многие болезни, даже до умертвия, — обыденно рассказывал мужичонка с всклокоченной бородой.

В другом углу гнусаво гудел густобородый верзила в донельзя драном чекмене:

—...Потому как покушался довести до сведения нашей матушки царицы о беззакониях, творимых у нас на Яике... Жалованье повсеместно удерживают и всяко самовольничают: старые права и обычаи рыбной ловли уничтожают. В багренье, да в севрюжье рыболовство, да в осеннюю плавню половину улова забирают себе. Нам то не любо...

— Так тебе, ослопина, и надо! — насмешливо отозвался кто-то из темноты. — Глядишь, скоро всё отымут: ни севрюжки, ни жёнки собственной не попробуешь — будешь холоп холопом!

—...Генерал Черепов с командою многих побил, а иных повесил, прочих же сёк нещадным или простым кнутом, — продолжал уныло гудеть казак. — Им веселие, а нам отягощение и разорение...

— Эх вы, а ещё вольными казаками прозываетесь, — снова послышался насмешливый голос. — Что же тогда нам, подъяремным, делать прикажешь?

Ах, когда бы нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б, братцы, в солдатскую службу.

И сделали б между собою дружбу.
Всякую неправду стали бы выводить
И злых господ корень переводить...

— В Шацком уезде, — бормотал мужичонка, — холопы ночью, в самое первосоние усадьбу да и запалили с четырёх концов. Так боярин, сказывают, со страху постель свою опрудил. А от усадьбы богатой да ото всех служб остался один прах...

Державин в сии подлые разговоры не вступал, лежал себе да помалкивал. Только подумал: «Нет, эта болезнь нам ещё отрыгнётся...»

— Ах! Безвинно меня оболтали!.. — с воплем вверзился в камору щёголь в новёхоньком шёлковом камзоле, отороченном кружевными пелепелами.

«Ишь, шаркун паркетный, чать, много полов перешаркал, попробуй и энтого!» — с неприязнью подумалось Державину, но тут же сержант поспешил подняться. Щёголь пал оземь в омрак с дерготою, корчами и кривлянием.

Державин подошёл, опрыскал его водою, и щёголь очнулся. Назвался дворянским сыном Бурсовым Борисом. Поведал, что обвиняют его в подделывании векселей на крупную сумму денег, тогда как он ни сном ни духом неповинен. Показалось Державину, что видел он сего щёголя в

нечистых компаниях за зернью да картами, но по свойственному ему простодушию сержант тут же отогнал от себя подозрения.

— Ничего не поделаешь, братец, терпи... Видно, одного мы с тобою поля ягоды — оба напрасно страдаем... — сказал он Бурсову. — Переждём-перетерпим, да после споминать будем и смеяться!..

А как было ему теперь не до смеху, то снова лёг в своём уголку. Стал думать о себе, о своей судьбе-судьбинушке злой.

Всю юность в трудах провёл, да что толку? Трудиться барану вечер и порану! Прилежен был, учась три коротких года в Казанской гимназии под началом известного автора и переводчика Михаила Ивановича Верёвкина. Скромностью и рвением выделялся среди солдат-дворян в Преображенском полку, где не токмо понуждён был по бедности пойти на хлебы к семейному солдату, с коим жил в одной связи, но и наравне с крестьянскими детьми ходил за провизантом, чистил каналы, разгребал снег около съезжей, усыпал песком учебную площадку...

Как боготворил он молодую императрицу Екатерину Алексеевну! В памятный день переворота ¹⁵, в ту самую минуту, когда она

¹⁵ В памятный день переворота... — 28 июня 1762 г.

отправилась в Питербурх для свершения отважного дела, стоял на часах в Петергофском дворце, но позже никакой милости не удостоился. Осьмой уж год в Преображенском полку, а офицерского чина всё не получил, тогда как другие вона уж как далеко прыгнули!

Будучи в ямской подставе, написал славословие государыне Екатерине Алексеевне в ожидаемом от неё благодеянии и покровительстве:

Таков твой суд есть милосердый.
Ты как к нам сердобольна мать...
Грозишь закона нам стрелою;
Но жизнь преступших ты блюдёшь,
Нас матерной казнишь рукою —
И крови нашей ты не льёшь...

Но мелькнуло в пышном царском поезде и пропало её лицо. Где же, где же наконец вышний суд? Или истинно то, что добродетель цветёт только в надутых трагедиях господина Сумарокова? А в свете сем, верно, скромность и честность почёта не имут... Матушка государыня! всё тебе ведомо! Воззри же на верного слугу твоего, что в позоре да

Екатерина II при помощи гвардейцев свергла своего мужа Петра III и заняла престол.

мучениях безвинно дни влачит! Явись, явись как столп светел и огнесиянен!..

Свеча внезапно облистала мрачную камору: судейский с бельмом, за ним караульный солдат.

— Господин лейб-гвардии сержант! По отводу суд обезвиняет тебя, можешь итить домой. Однако обо всём сообщено в твою московскую канцелярию...

С ослышки на радостях Державин не сразу понял, что его выпускают. Вскочил, позабыв про несчастного Бурсова, чуть не поверг на пол плюгавого бельмастого судейского, толкнул вонявшего чесноком солдата и выбежал на волю.

4

От Земляного вала, где помещалась полицейская часть, до Поварской пеший путь долог.

Не хотелось ворочаться ему к Блудову и Максиму, да что поделывать! Кроме них, у него в Москве лишь малая, двоюродная тётка и мать тёзка Фёкла Савична — скаредная и пустоголовая старица.

Возле Покровских ворот, перед домом, выстроенным в модном, классическом вкусе антиков, Державин остановился передохнуть. Сюда хаживал он во время коронации матушки

государыни к графу Ивану Ивановичу Шувалову, большому меценату, охотнику до наук и покровителю великого Ломоносова. Угнал он, что главный куратор Московского университета, а также и Казанской гимназии, намерен отправиться в чужие края. Тотчас написал письмо с просьбою взять его с собою и был принят вельможею со всей ласковостию и одобрением.

Всё бы ничего, да восстала тётушка Фёкла Савична, крича, что Шувалов сей фармазон и богохульник, преданный антихристу.

— Не веришь? — кричала она, доставая из-за божницы измятый листок. — Так вот на тебе! Читай!

Это были вирши, ходившие по Москве:

Появились недавно на Руссии франк-масоны
И творят почти явно демонически законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтоб к антихристу привость от христианской
веры.

К начальнику своего общества привозят,
Потом в темны от него покои завозят,
Где хотяй в сей секте быть терпит разны
страсти,

От которых, говорят, есть не без напасти.
Выбегают отовсюду, рвут тело щипцами,
Дробят его все уды шпаги и ножами,

Встают из гробов, зубами скрежещут,
Мурины, видя сей улов, все руками плещут.
А из сего собора в яму весьма темну
Приводят их, в камору уже подземну,
Где солнечного света не видно ни мало,
Вся трауром одета, как мёртвым пристало.
Там свечи зажжённые страха умножают,
В гробе положенные кости представляют.
Встая из гробов, кости берут нож рукою
И стакан, полный злости, приемлют другою.
Проколов сердце, мертвец стакан представляет,
Наполняя кровью, как жрец, до дна выпивает...

Державин смутно слышал о фраймауэрах¹⁶ организовавших тайные ложи в Питербурхе и Москве, где иногда собирались и явно. Но в суть сего таинственного учения по молодости не вникал и франкмасонов сторонился.

— Полно, тётушка, да масон ли он?

— Да уж не перечь! Опасным волшебством занят и за несколько тысяч вёрст неприятелей своих ворожбою умерщвляет. Да дочки до конца!

Молва утверждала, что выход из масонства был делом крайне опасным: в обществе остаётся

¹⁶ Der Freimaurer (нем.) — «вольный каменщик», масон.

портрет каждого члена, благодаря чему орден распоряжается жизнью отступника:

Многие к тому примеру, говорят, бывали,
Которые от себя веры отстать пожелали,
Но из оных в живых нет на свете;
Вить стоит смерть в его живом портрете,
Который лишь поранят пулей из пистолета,
В тот час увянет и лишится света...

В Семилетнюю войну против пруссаков масоны, как сказывали, передавали военные секреты через великого князя Петра Фёдоровича Фридриху II¹⁷. Поговаривали, что масоны уже

¹⁷ В Семилетнюю войну против пруссаков масоны, как сказывали, передавали военные секреты через великого князя Петра Фёдоровича Фридриху II. — Семилетняя война 1756–1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией — с одной стороны, и Пруссией, Великобританией и Португалией — с другой. Была вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Англии, Франции и России. В 1761 г. Пруссия была на грани катастрофы, но новый русский царь Пётр III, в недавнем прошлом великий князь Пётр Фёдорович (внук Петра I, сын голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и цесаревны Анны Петровны) заключил с ней в 1762 г. союз (который потом Екатерина II расторгла, но военных действий не возобновила).

проникли повсюду, что в ложах сих состоят знатнейшие бояре: Апраксины, Долгорукие, Куракины, Трубецкие, Репнины, Чернышovy, Панины, Шуваловы. Тайна, которую масон клялся никому и ни под каким видом не открывать, не бывала открыта и ему. Для каждой новой ступени посвящённого масона следующая оставалась секретом — мрак лишь сгущался...

Державин вспомнил, что после переворота Екатерины II велено было взять под стражу их Преображенского полка протопопа Андрея, «яко

Пётр III (1728–1762) — российский император в 1761–1762 гг. Его тётка, императрица Елизавета Петровна, в 1742 г. объявила его наследником. В 1645 г. вступил в брак с принцессой Софьей Фредерикой Августой Анхальт-Цербстской, будущей императрицей Екатериной II. Человек невежественный, занятый в первую очередь придворными развлечениями, Пётр III предоставил управление страной в руки дворцовой знати и высшей администрации, которые провели ряд мероприятий в интересах дворянства. Антинациональная внешняя политика, введение прусских порядков в армии, пренебрежение к русским обрядам и обычаям создали оппозицию в гвардии, которую возглавила Екатерина II. Пётр III был арестован, отправлен в Ропшу, где убит с ведома Екатерины.

Дворцовый переворот 1762 г. породил необоснованные слухи о том, что Пётр III был свергнут дворянами за намерение освободить крестьян. Под именем Петра III выступали многие самозванцы, в том числе Емельян Пугачёв.

масона и явного злодея церкви», который во время учений в Петров пост, «явно ругая предания святых отцов, разрешал во все пости мясо исть».

Сам сержант чурался чужебесия, хранил верность добрым православным заветам и особого страха перед франкмасонами не испытывал. Однако под угрозой сообщить обо всём матушке Фёкла Савична строго-настрого наказала племяннику не встречаться более с Шуваловым.

Да что там! Если податься к тётушке, то никакого житья не будет!..

Пришедь на Поварскую, Державин с горячностью набросился на Максимова:

— Что же ты, негодь этакая, за меня даже не заступился, хоть сам кругом виноват! И это при твоих-то приятелях, значущих чиновных людях из господ сенатских и магистрата!

— Ах, душа моя! — нимало не смутившись, отвечивал Максимов. — Жаль тебя, да не как себя... Не серчай, мне теперь и вовсе недосуг.

И впрямь он был захвачен планом во что бы то ни стало отыскать клад запорожцев и почасту разговаривал о том, затворившись в своих комнатах с Иваном Серебряковым, рябым хитроном, которого выпросил-таки из сыскного приказа под своё поручительство.

Державина же ожидал в доме Блудова пакет с вызовом в канцелярию Преображенского полка.

Думал, какая нахлобучка ему следует, ан вышла неожиданная радость. Отправлявшийся в Питере, в гвардейском полку, уже секретарскую должность приятель его Неклюдов прослышал, что Державин в Москве вовсе замотался. Сжалился он над ним и безо всякой его просьбицы написал, чтобы причислили сержанта к московской команде. А известию, присланному насчёт Державина из суда, в канцелярии все только дивились и смеялись.

Велено было сержанту ходить как сочинителю или секретарю в Депутатскую комиссию, открытую в Москве государынею ещё в 1767-м году¹⁸.

18 ... в Депутатскую комиссию, открытую в Москве государынею ещё в 1767 году. — Речь идёт о Комиссии об Уложении 1767 г., созванной для выработки нового свода законов. Екатерина II использовала её для укрепления дворянской диктатуры и своего положения на троне. Открытие Комиссии об Уложении состоялось в Успенском соборе в Москве; с февраля 1768 г. работа была перенесена в Петербург и сопровождалась чтением Наказа Екатерины II, специально для этого случая написанного (о Наказе см. ниже). На 204 заседаниях не был обсуждён до конца ни один из поставленных вопросов, не было принято ни одного решения. При обсуждении некоторых вопросов — в частности, об ограничении крепостного права, о передаче части земли в собственность крестьян и т. п. — возникали острые ситуации. Это явно не устраивало императрицу, и, пользуясь объявлением русско-турецкой войны, в обстановке роста народного недовольства Екатерина распустила общее

В Кремле собраны были со всей империи разные народы и сословия для подачи своих голосов и составления нового Уложения, или Свода российских законов, кои не пересматривались со времён царя Алексея Михайловича¹⁹. На Большом собрании в Грановитой палате обсуждали Наказ, написанный самой императрицей в подражание трактату «Дух законов» известного французского вольнолюбца и философа Монтескье²⁰, депутаты

собрание комиссии в январе 1769 г.

¹⁹ ...кои не пересматривались со времён царя Алексея Михайловича. — Уложение царя Алексея Михайловича (1629–1676, правил с 1645), или Соборное уложение 1649 г. — кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором 1648–1649 гг. после восстаний в Москве и других городах России. Источниками служили: судебники 1550 г., указные книги Поместного, Земского, Разбойного и других приказов, коллективные челобитные дворян, посадских людей и т. д., а также Кормчая книга и др. Всего включало 25 глав, 967 статей, разрабатывавших вопросы государственного, административного, гражданского и уголовного права и порядок судопроизводства. Отвечало интересам господствующего класса дворян, способствовало развитию самодержавия и крепостничества, чем и объясняется его долговечность. Оставалось основным законом России вплоть до 1-й половины XIX в.

²⁰ ...обсуждали Наказ, написанный самой императрицей в

— от дворян, городов российских, казачьих войск, а также от пахотных солдат, черносошных крестьян и однодворцев.

Не допущены были в Комиссию лишь помещицы крестьяне, хотя само учреждение её было вызвано непрерывными возмущениями крепостных, сотрясавшими империю.

...Парадная палата древних русских царей отделана снаружи гранёными белыми плитками известняка, отчего и именуется Грановитой. А внутри стены обиты красным сукном, крестовые своды изукрашены народными мастерами и

подражание трактату «Дух законов» известного французского вольнодумца и философа Монтескьё. — Наказ Екатерины II — философско-юридический трактат, изданный на русском, немецком, французском и латинском языках в качестве руководства для депутатов Комиссии об Уложении. Состоял из 22 глав, 655 статей государственного, уголовного и гражданского права, а также вступления, заключения и двух дополнений. Фразеология просветительских теорий сочеталась в этом Наказе с обоснованием необходимости самодержавия в России, с рекомендацией барщины и т. д. Практического применения не имел.

Монтескьё Шарль Луи (1689–1755) — французский просветитель, правовед, философ. Выступал против абсолютизма. Стремился вскрыть причины того или иного государственного строя. Утверждал, что законодательство страны зависит от формы правления. Трактат «О духе законов» написан в 1748 г.